

Екатерина Полянская

В райских куцах Петербурга

* * *

Вынырнув из привычной дневной суеты,
Вдруг понимаешь: ночь. И тебе — кранты:
Словно бы сердце, переступив черту,
Падает камнем в гулкую пустоту.

Шторы плотны, надёжен дверной засов.
Только откуда он, этот тихий зов —
Чуть различимый в шорохе сквозняка
Голос далёкий: «... ноша Моя легка...»?

Стрелки часов, дрожа, повернули вспять.
Кто меня будит, не позволяет спать?
Кто этот мир вдребезги расколов,
Заново создаёт из осколков слов?

Кто напряжённо вглядывается во тьму,
Верит в меня и ждёт — вопреки всему —
Малую искру, отблеск живой огня?
Это мой Бог ищет в ночи — меня.

* * *

Кто там бродит неустанно,
Фонарём скрипучим режет,
Разбивает эхом гулким
Ночи сумрачный покров —
Вдоль по улице Расстанной,
Вдоль по улице Разъезжей,
Соловьёвским переулком,
Вереницею дворов?

Полянская Екатерина Владимировна — поэт, переводчик. Родилась в Ленинграде. В 1992 г. окончила Санкт-Петербургский медицинский университет им. И.П.Павлова. Автор 7 книг стихов, в т.ч. «На горбатом мосту» (СПб., 2014). Живет в Санкт-Петербурге.

Под шинелькою солдатской —
Холод, рвущийся наружу,
Горечь смятого окурка,
Хриплый кашель, резкий взмах.
Это ветер ленинградский
Подворотней слепо кружит,
В райских кущах Петербурга
Заблудившийся впотьмах.

Губы — серую полоской,
Соль на веках воспалённых,
Хлеб колючий и нетленный
В кулаке сухом зажат.
У него на Пискарьёвском,
Серафимовском бездонном,
Да на Волковом смиренном
Все любимые лежат.

* * *

Так своей и не стала ни там, ни здесь.	Удивлялась миру, вдыхала мир,
Избегая клеток, сетей, мерез,	Непонятный, изменчивый и — простой.
Не пыталась прочно нигде осесть,	Сквозь реальность, вытертую до дыр,
Оправдать не сумела ничьих надежд.	Восхищалась хрупкою красотой.

Что имела — вовсе не берегла,	Спотыкалась, падала, не могла
Даже пепел выдуло из горсти.	Удержать дыхание высоты...
Уходя, мосты за собою жгла	Кем была я? Куда и зачем я шла? —
И не оборачивалась в пути.	Я не знаю, Господи. Знаешь — Ты.

Карповка

Излучина реки. Казармы. Дождь.
На берегу — чернеющие туши
Пузатых катеров. Немая дрожь
Теней и света, отражённых в луже.

Похожий на сырую акварель,
Вздыхает сад, туманный и обманный,
Где не поймёшь — ноябрь или апрель —
Всё слишком поздно или слишком рано,

Где каждый вздох в древесных кольцах сжат,
Непроницаемы глубины сада...
И только блики времени дрожат,
Скользя по чугуну его ограды.

* * *

Памяти Андрея Базилевского

Как разгулялся нынче ветер! Он
Последнюю листву срывает с веток,
Швыряет, крутит, гонит пред собой.
Его порывы ударяют в окна,
И стёкла в них тревожно дребезжат.
И, засмотревшись в глубину проулка,
Где в сумерках единственный фонарь
Качается пятном живого света,
Как будто что-то ищет на лице
Земли моей — безмолвной и бесслёзной,
Я отчего-то вспомнила Белград,
Где шорох опадающих каштанов,
Мерцающие блики по воде,
И еле уловимый запах кофе,
Где бронзовые ящерки скользят
По дремлющим камням Камилигдана,
И горлинки воркуют во дворах.
И вспомнила ещё, что в сербских храмах
В одну свечницу ставят свечи все —
О здравии и об упокоенье:
У Бога мёртвых нет, но живы все...
И даже если б тяжкий груз молчанья
Могла я сбросить, вряд ли бы нашла
Слова вернее: мёртвых нет у Бога,
Но живы все.

Старая фотография

А кто это — в кирзовых сапогах
Остался в кадре на макушке лета,
И, шурясь от полуденного света,
Идёт себе с уздечкою в руках?

А это я — тесёмочка на лбу,
Да «фенички», да драная тельняшка,
На поясе брезентовая фляжка —
Шагаю за лошадкою в табун.

И в голове прелестной чепухи
Так много, и ещё не вышли сроки.
Не сделанные вовремя уроки
Да сигареты — все мои грехи.

И все пути ещё ведут домой,
Размашист бег степного иноходца.
И я смеюсь. И целый мир — смеётся
И щурится на солнце... Боже мой!